

Пианист и дирижер в одном фраке

Концерт Игната Солженицына в рамках цикла "Моцарт и музыка Вены" нельзя не причислить к заметным событиям в культурной жизни столицы. И это несмотря на то, что музыкант часто выступает в Москве, а его предпоследний концерт состоялся сравнительно недавно на "Декабрьских вечерах". Сын великого писателя живет в Америке. Уже несколько лет он возглавляет Камерный оркестр Филадельфии, а в качестве пианиста и приглашенного дирижера много гастролирует, выступая с ведущими коллективами разных стран. На этот раз молодой музыкант посетил Москву, чтобы дать концерт с Академическим симфоническим оркестром Московской филармонии, который возглавляет Юрий Симонов. В программу вечера вошли Концерт № 24 для фортепиано с оркестром Моцарта и "Героическая" симфония Бетховена. В этот вечер Игнат Солженицын предстал в двух амплуа одновременно — пианиста и дирижера. Моцартовским концертом, прозвучавшим в первом отделении, он дирижировал непосредственно из-за рояля, развернутого клавиатурой к залу.

Опыт синхронной игры и дирижирования у Игната большой, поэтому, казалось бы, все должно быть отработано до мелочей. Однако как только пианист увлекся своей игрой, чувствовалось, что оркестр теряет точку опоры. И хотя вопиющих недочетов не было, микроскопическая нескоординированность солиста и оркестра ощущалась на протяжении всего произведения. Стремление Солженицына держать весь процесс под контролем нередко приводило к тому, что одной рукой ему приходилось играть, а другой — дирижировать. Неудивительно, что в таких слу-

чаях жесты получались неточными и скорее были отражением эмоционального настроя музыканта, чем руководством к действию. В результате первая часть прозвучала вяло, оркестр увязал в прозрачной, в общем-то, фактуре. Вторая часть, *Larghetto*, откровенно развалилась на фрагменты, а финал был начат в чересчур медленном темпе, и лишь к середине в нем почувствовалось движение. Кроме того, текучая манера игры, присущая Игнату Солженицыну, не была по-моцартовски отточенной и воздушной. Мелодии, выплывающие из-под пальцев пианиста, тонули в оркестровом *tutti*, ставя под сомнение сам принцип концертирования.

Впрочем, винить музыкантов и дирижера в непонимании моцартовского шедевра или недостаточной подготовленности, пожалуй, было бы несправедливо. Игнат Солженицын выступал с оркестром Московской филармонии впервые, а интуитивно угадывать идеи и желания малоизвестного пианиста-дирижера музыкантам оркестра оказалось не под силу. Второе отделение, в котором прозвучала "Героическая" симфония Бетховена, расставило все на свои места: Игнат Солженицын показал себя дирижером высокого уровня, а оркестр — профессиональным коллективом. Произведение Бетховена было трактовано в романтическом ключе. Эмоционального заряда пламенной первой части (*Allegro con brio*) хватило на все четыре части симфонии, которые пролетели на одном дыхании. Лишь Траурный марш был некоторой остановкой движения. Сыгранный без излишнего пафоса, он поражал скорбным лиризмом и затаенной печалью.

Наталья СВЕТЛАКОВА

Кудрявцева — 2004. — 19-25 февраля — с. 13